

ВЫСТАВКА ФОТОГРАФИЯ

Бардак культуры и отдыха

Мартин Парр в Мультимедийном комплексе актуальных искусств

В Москве тремя выставками на Остоженке открывается очередная фотобиеннале. МАММ, в частности, при поддержке Росбанка показывает самую известную серию звезды современной фотографии Мартина Парра, снятую в приморском городе Брайтоне. За веселой жизнью отдыхающих наблюдал ВАЛЕНТИН ДЬЯКОНОВ.

Мартин Парр так хорошо известен, что уже и непонятно, чем именно. Лет пять назад его фирменная манера заполонила все модные журналы. Когда-то в ней был вызов. Парр снимал с пересветом, в диких ракурсах, в общем, так, как будто впервые держал камеру и был к тому же подшофе. То ли альтернатива глянцу, то ли, наоборот, его логическое продолжение: мир роскоши и гламура устал от фотошопа и обрадовался нелестному отражению, поскольку в нем выглядел хоть чуть-чуть живым. С Парра снимали сливки, сам он пожинал плоды всемирной славы, свою выставку назвал ни много ни ма-

В своей брайтонской серии Парр ухватил суть курортного «постоянства веселья и грязи» ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

далеку от экскаваторов и прочей техники, занятой благоустройством территории. Перед нами — те герои фильма Андрея Звягинцева «Елена», которым сочувствовать не принято. Именно они, однако, соль зем-

ские и бельгийские жанристы XVII века. Право, брайтонские сцены прекрасно смотрелись бы рядом с «Сатиром в гостях у крестьянина» Якоба Йордана из Пушкинского музея. Нет зрелища витальней, чем народ-

ло «мир Парра», выпустил на данный момент около 50 книг. Трижды был в России — на открытии первого «Макдоналдса», на ярмарке предметов роскоши Millionaire Fair и — совсем недавно — на новогодних корпоративах. В лучах его славы потерялся ответ на вопрос, кто такой Парр и как он вышел в гении. Серия, снятая на пляжах Брайтона в 1980-е, ставит все на свои места. Парр действительно ухватил суть курортного «постоянства веселья и грязи», если вспомнить Даниила Хармса.

Брайтон тридцатилетней давности — это анти-Ницца, место, где отдыхает британское простонародье. Брутальность родного, а потому дешевого курорта прямо-таки вы-

пирает со снимков. первым делом поражаешься обилию мусора, особенно на автобусных остановках. Пачки, обертки, окурки покрывают землю плотным слоем. Людей тоже немало. Вот они набиваются в закускую как сельди в бочке и с отменным аппетитом пожирают хот-доги. Вот стоят в очереди за мороженым к продавщице, в которой угадываешь дальнюю родственницу девушки из «Бара в Фоли-Бержер» Эдуарда Мане. Только у Парра не бар, а тошнеловка, и выражение лица у героини соответствующее: то ли до экспрессивного «fuck you!» в адрес любопытного фотографа, то ли непосредственно после. В поисках незанятых квадратных метров люди ложатся прямо на асфальт, непо-

сидно видишь, каким прекрасным было бы кино Звягинцева, если б тот снимал не унылую притчу с «подтекстом», белой лошадей и прочей хренью, а рассказ о том, как человеческая масса, упакованная в коробку, почти по законам физики стремится расширяться и переехать в золотую клетку. Потому что такая жизнь, а жизнь, как известна, прекрасна.

Гуманисты от фотографии обвиняли Парра в том, что он презирает тех, кто толпится у него в видеоискателе. Это напраслина. Конечно, Парр сделан из другого теста. Он художник, фиксирующий для образованных и богатых сцены из плебейской жизни. Он не менее виртуозен, чем голланд-

ка и обжираловка с кучей грязных детей, кривлянием и непосредственным проявлением всех человеческих чувств, включая низменные. Тут и там попадаются образы карнавального абсурда или абсурдного карнавала — не разберешь. Пятилетний мальчик в позе атланта поднимает вверх красное деревянное колесо. Двухлетняя девочка обнимает игровой автомат. Силуэт гимнастки на открытой сцене английской разновидности ДК рифмуется с мусоркой на первом плане, похожей на скульптуру Бранкузи. Энергия отдыхающего в тесноте человечества порождает невероятные образы один за другим — только успевай на спуск нажимать.